

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ

КАКЪ ПСИХОЛОГЪ

(Продолженіе).

I.

О способностяхъ души.

Животная душа одарена способностію ощущенія и чувственнаго представленія; имѣеть и внѣшнія чувства и внутреннее, или общее чувствалище (*sensorium commune*), гдѣ всѣ они сосредоточиваются. Кроме того, животное обладаетъ способностію воображенія, которую Августинъ называетъ *vis spiritalis*, и которой дѣйствіе состоитъ въ томъ, что она представляетъ чувственные образы предметовъ, когда уже нѣтъ предъ нашими глазами самихъ предметовъ. Съ этою способностію тѣсно соединены память и воспоминаніе, изъ которыхъ первая сохраняетъ воспріятыя образы, а послѣднее воспроизводитъ.

О чувствахъ.

Въ сочиненіяхъ епископа иппонійскаго можно найти довольно подробное разсужденіе о чувствахъ. Главнымъ образомъ оно состоитъ изъ рѣшенія грехъ вопросовъ: что такое чувство? какъ оно происходитъ? какое имѣеть отношеніе къ разуму?

а) При рѣшеніи перваго вопроса, Августинъ имѣлъ въ виду ученіе Тертуліана о чувствахъ, которое ему казалось неправильнымъ; а потому и въ отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ высказалъ только мысль противоположную Тертуліановой.

Тертуліанъ, слѣдуя отчасти Аристотелю ¹⁾, не отличалъ ощущенія отъ познанія. «Что такое ощущеніе, говорилъ онъ, какъ не познаніе того, что воспринимается посредствомъ чувствъ? Что такое познаніе, какъ не ощущеніе того, что познаемъ? Одно безъ другаго быть не можетъ. Душа является на свѣтъ со всѣми силами и способностями. Нѣтъ такого времени, когда душа была бы безъ разума. И потому несправедливо говорить, что дѣти живутъ только чувственною жизнью, а не имѣютъ способности познанія. Нѣтъ различія между инстинктивнымъ познаніемъ и разсудочнымъ. Первый крикъ новорожденнаго дитяти служитъ яснымъ доказательствомъ того, что оно не только чувствуетъ, но и понимаетъ, что родилось на свѣтъ» ²⁾.

Въ противоположность этой мысли, Августинъ проводитъ мысль о томъ, что ощущеніе не есть знаніе.

Когда я вижу, говоритъ онъ, идѣ либо дымъ, то хотя сознаю, что тамъ долженъ быть огонь, однакоже этого огня могу не видѣть, не испытывать и слѣдов. не ощущать. Когда тѣло растеть или старѣется, когда обрѣзываются наши ногти, волосы, то это, конечно, должно быть названо измѣненіемъ въ тѣлѣ. Но чувствуемъ ли мы это измѣненіе? Не чувствуемъ. Слѣдовательно можетъ быть сознаніе переимѣнъ и при недостаткѣ ощущенія. И наоборотъ, можетъ быть ощущеніе и при недостаткѣ сознанія. Мы, напри., убѣждены въ томъ, что скоты чувствуютъ. Но въ тоже время не можемъ не согла-

¹⁾ Аристотель приписывалъ вѣдѣніемъ чувствамъ не только ощущеніе вѣдѣніемъ предметовъ, но и знаніе ихъ. (De anim. II. 2. De sens. et sensib. c. 7).

²⁾ Tertull. De anima c. 18. 19.

ситься, что они не имѣютъ знанія, потому что званіе принадлежитъ только разуму, который составляетъ исключительную принадлежность человека. Итакъ если животное не имѣетъ знанія, то какъ можно сказать, что оно сознаетъ; а если не сознаетъ; того, что чувствуетъ, то какимъ образомъ можно опредѣлять ощущеніе сознаніемъ? Ощущать не значитъ знать, а тѣмъ менѣе сознавать. Мы чувствуемъ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязавіемъ; но знаемъ разумомъ ¹⁾.

Кромѣ внѣшнихъ чувствъ, есть чувство внутреннее, которое способно ощущать не только то, что принимаетъ отъ чувствъ, но и самаа чувства ²⁾. Это внутреннее чувство есть и у животныхъ, и, явно, обнаруживаетъ высшую степень жизни, чѣмъ та, которую занимаетъ чисто-внѣшнее чувство. Открыть глазъ и поворотить его, устремляя на то, что хочетъ видѣть, животное никакимъ образомъ не могло бы, еслибы не чувствовало, что закрывши глазъ, или не такъ поворотивши, оно не увидѣло бы того, что хочетъ видѣть. Если оно чувствуетъ себя не видящимъ, когда смотритъ; то необходимо чувствуетъ себя видящимъ, когда видитъ. Словомъ, желаніе животного иначе направить свой взоръ, когда хочетъ видѣть, а иначе, когда не хочетъ, показывается, что оно чувствуетъ оба эти состоянія ³⁾. Но нельзя смѣшивать и внутренняго чувства съ разумомъ; потому что дѣйствіе послѣдняго гораздо выше, чѣмъ перваго. Внутреннее чувство даетъ знать о происходящемъ въ тѣлѣ, о впечатлѣніи, которое испытываютъ наши органы, объ измѣненіяхъ происходящихъ въ душѣ; но оно не произноситъ суда объ нихъ, не различаетъ одного отъ другаго. Кто можетъ ска-

¹⁾ De quant. an. c. 23. 24. 29. 35. Aliud est sentire, aliud nosse

²⁾ Sensu interiore possumus et corporalia sensu corporis sentire, et ipsam corporis sensum. (De lib. arb. II, 5).

³⁾ Ibid. c. 4.

вать, что животное, лишенное разума и руководящееся внутренним чувством, найдет ясную идею о различии цвѣта отъ ощущенія цвѣта, что оно произнеситъ судъ о томъ, что не можетъ быть видимо и слышимо? Когда мы говоримъ, что одинъ предметъ лучше, чѣмъ другой, то это говоримъ подъ вліяніемъ *разума*. Разумъ есть главная и правящая часть нашей души ¹⁾.

б) Рѣшеніе втораго вопроса или вопроса о томъ, какъ происходитъ ощущеніе, Августинъ направляетъ противъ тѣхъ философовъ, которые, на томъ основаніи, что мы не иначе видимъ какъ глазомъ, не иначе слышимъ какъ ухомъ, часто смѣшивали чувство съ органомъ его, и органамъ приписывали то, что надобно приписать душѣ.

Чувствованіе, говоритъ Августинъ, есть результатъ взаимодействія души и тѣла. Для того, чтобы явилось чувствованіе, необходима душа, но необходимо и тѣло. Безъ души не было бы чувствованія, потому что душа есть начало оживляющее тѣло; но не было бы чувствованія и безъ тѣла, потому что еслибы не было органовъ тѣлесныхъ, то мы не могли бы ни видѣть ни слышать ²⁾.

Но главнымъ образомъ чувствованіе принадлежитъ душѣ. Когда внѣшніе предметы дѣйствуютъ на нашъ организмъ, то душа оказываетъ еще сильнѣйшее дѣйствіе на всѣ пункты сво его тѣла и на всѣ его органы, и такимъ образомъ можетъ видѣть, слышать, обонять, вкушать, осязать. Мы видимъ чувственные предметы посредствомъ зрѣнія; но однакожъ видимъ ихъ существующими не внутри насъ, а внѣ, и притомъ на разныхъ разстояніяхъ. Почему же глаза видятъ тамъ, гдѣ не присутствуютъ, и даже иначе не видятъ, какъ только тамъ,

¹⁾ De hb. arb. II, c. 3. v.

²⁾ Epist. 137 c. 9.

гдѣ не присутствуютъ? Какимъ образомъ глазъ чувствуетъ предметы находящіеся внѣ тѣла, когда онъ не видитъ того, что въ тѣлѣ, не видитъ даже себя самого? Это бывасть оттого, отъбчаеъ Августинъ, что видитъ предметы собственно не глазъ, а, при помощи этого органа, кто-то иной; это показываетъ, что органъ зрѣнія занимаетъ средину между моею душой и внѣшними предметами, которые я вижу, какъ палка между мною и предметами, которые я осязаю. Мы видимъ внѣшніе предметы при дѣйствии свѣта; но однакоже глазъ мертвого, какъ бы ни былъ освѣщаемъ, ничего не увидитъ. Почему? Потому что внѣтъ въ его тѣлѣ обитателя. *Ab anima est corporis sensus ac vita* ¹.

Тѣло не можетъ произвести въ душѣ явленіе ощущенія; потому что душа выше тѣла, а то, что выше, не можетъ быть измѣнено низшимъ. То правда, что дѣйствіе души бываеъ легче или труднѣе, смотря по состоянію тѣла; потому что когда душа свободно развиваеъ свою дѣятельность въ тѣлѣ, то бываеъ удовольствіе, а когда тѣло представляетъ препятствіе душевной дѣятельности, то происходить неудовольствіе. Но утверждать, что душа подчиняеъ дѣйствию тѣла, значить подчинять болѣе совершенное менѣе совершенному. Это было бы тоже, какъ еслибы мы сказали, что не художникъ дѣйствуетъ (главнымъ образомъ на матерію, а матерія на художника. Когда свѣтъ дѣйствуетъ на нашъ глазъ, когда звукъ отражаетъ въ нашемъ ухѣ, то душа обращаетъ свое вниманіе на измѣненіе

¹) De quant. anim. c. 23. De civ. Dei I, 21. c. 3. Epist. 137. 2. Cont. X, 7.

Заключеніе Августина о чувствѣ зрѣнія, взятое (Enn. IV, VI, 4) у Платона, повторяется в новейшихъ физиологахъ: «Мы не ощущаемъ, говоритъ физіологъ Функе, вовсе свѣтъ, но ощущаемъ только раздраженіе нервовъ, вызванное этимъ волнами. Еслибы потому душа обращалась къ исключительно такъ называемымъ ощущениямъ, то никогда не могла бы достиги до полной свѣтлосты» (Physiol. I. *)

тѣла, и, въ слѣдствіе этихъ измѣненій, чувствуетъ или удовольствіе или неудовольствіе. Но въ такомъ случаѣ не тѣло и не внѣшній предметъ, а дѣйствія самой души производить пріятное или непріятное ощущеніе. Болитъ душа, а не тѣло, хотя причина болѣзни и заключается въ тѣлѣ; она болитъ вмѣстѣ съ тѣломъ, въ томъ мѣстѣ его, гдѣ произошло измѣненіе ¹⁾.

Ощущеніе происходитъ тогда, когда чувственный предметъ и способность чувствованія поставлены въ извѣстное отношеніе другъ къ другу. Звуки отъ падающей капля по каплѣ воды могутъ происходить въ мѣстѣ уединенномъ и не быть никакъ слышимы; однакоже эти звуки, не достигающіе ни чьего уха, существуютъ. Но, съ другой стороны, и человекъ можетъ находиться въ такомъ состояніи задумчивости или разсѣянности, что не замѣтитъ легкаго шума или звука; не смотря на то, этотъ человекъ, не слышащій ничего въ извѣстныя минуты, отличенъ отъ глухаго, потому что вмѣстѣ способность слуха, хотя и не слышитъ. Итакъ звуки не рождаются во мнѣ способности слышать, а только предполагаютъ ее. Я не слышалъ бы звуковъ, еслибы она не существовала дѣйствительно; но не слышалъ бы также, еслибы не имѣлъ способности слышать ²⁾.

Итакъ всякій разъ, когда я вижу предметъ, могу различать въ этомъ простомъ дѣйствіи три элемента: предметъ, котораго мы видимъ и который, конечно, могъ существовать прежде, чѣмъ мы увидѣли его; самое явленіе его или образъ, котораго не было прежде, чѣмъ мы ощутили предметъ, подлежащій чувству; вниманіе души, обращенное на тотъ предметъ, на которомъ остановились наши взоры. Эти три элемента различаются

¹⁾ De mus. VI. 5. De civ. Dei XIV. 18. XXI. 3.

²⁾ De mus. VI. 2. 3. 4.

и по природѣ: предметъ тѣлесенъ, образъ его духовно-тѣлесенъ, вниманіе духовно ¹⁾.

с) На вопросъ объ отношеніи чувствъ къ разуму Августинъ отвѣчаетъ такъ.

1) Чувства представляютъ разуму вѣрное средство для познанія вишняго міра. «Тѣлесныя чувства, говоритъ онъ, служатъ для человѣка посредниками между тѣлесной и духовной природой; при посредствѣ этихъ чувствъ міръ тѣлесный и міръ духовный находятся въ постоянномъ общеніи» ²⁾.

Но такъ какъ эта истина была опровергасма нѣкоторыми философами, то Августинъ старается доказать, что чувства не обманываютъ насъ, и за доказательствомъ обращается къ Тертуліану.

«Не чувства», говорил Тертуліанъ академикамъ, «надобно обвинять въ обманѣ, а тѣ причины, по которымъ предметы иначе представляются чувствамъ. Да и причины не обманываютъ, если онѣ дѣйствуютъ сообразно съ законами природы. *Quod sic fieri oportet, mendacium non est.* Въ природѣ нѣтъ обмана; всякій предметъ выражаетъ то, что долженъ выражать. Чувства возвѣщаютъ намъ то, что предписалъ имъ законъ, который заставляетъ чувства нѣсколько иначе представлять предметы, нежели какъ бываетъ въ дѣйствительности» ³⁾.

Эту же самую мысль, и притомъ также противъ академиковъ, развиваетъ и Августинъ. «Если вы доказываете, что человѣкъ не можетъ знать ничего истинно, то осуждаете его на вѣчное невѣжество. Мы не должны жаловаться на чувства, будто бы они насъ обманываютъ; мы не имѣемъ права требовать отъ нихъ болѣе надлежащаго. Что видятъ глаза, то ви-

¹⁾ *Ipsa res., visio., animi intentio.* (De Trin. XI, 2.)

²⁾ Conf. XI, 6.

³⁾ Тертл. De anima c. 17.

дать совершенно правильно. Если палка, опущенная въ воду, кажется изломанною, то есть причина такого явленія, такъ что мы больше права имѣли бы жаловаться на чувства, еслибы они представляли палку въ водѣ прямою. Глаза не обманываютъ, потому что передаютъ душѣ предметы именно въ такомъ видѣ, въ какомъ они имъ представляются». Не глаза заблуждаются, а душа; потому что она часто судить превратно о томъ, что видитъ, часто не различаетъ предмета отъ его чувственнаго явленія и т. п. ¹⁾).

Хотя мы не можемъ сказать, что видимый предметъ рождаетъ чувство, но однакоже онъ рождаетъ форму или свое подобіе, которое бываетъ въ чувствѣ, когда мы ощущаемъ, что видимъ что нибудь. Но форму тѣла, которое видимъ, и форму, которая отъ него бываетъ въ чувствѣ видящаго, тѣмъ же чувствомъ не различаемъ; потому что связь между предметомъ и его формой бываетъ такъ жива, что нѣтъ мѣста различенію. Итакъ если мы убѣждаемся въ дѣйствительности чего нибудь, то это бываетъ не столько по свидѣтельству чувствъ, сколько по вѣрѣ разума. Когда дѣлаютъ отпечатокъ кольца на воскѣ, то мы увѣрены въ дѣйствительности отпечатка, хотя и не видимъ его; когда опускаемъ кольцо въ воду, то хотя и не видимъ отпечатка, но вѣрно заключаемъ, что онъ непременно долженъ быть хотя на мгновеніе ²⁾).

«Душѣ, какъ предсѣдательствующей и судящей, тѣлесныя чувства приносятъ вѣсть о происходящемъ внутри насъ. И большія и малыя животныя видятъ вселенную, но не могутъ спросить ее, потому что у нихъ нѣтъ разума, обсуждающаго чувства (*non enim praerosita est in eis multiantibus sensibus iudex ratio*). Природа краснорѣчива для всѣхъ; но понимаетъ

¹⁾ Сочин. свад. III. 24. 26. De vera verbg. 33

²⁾ De Gen. XI, 2.

ее только тѣ, которые слышаютъ ея отвѣтъ слышимый голосъ съ внушеніемъ истины, «внутри обитающей» ¹⁾. Превосходство души человѣческой въ томъ и состоитъ, что она не только ощущаетъ, но и судить объ ощущеніяхъ Палка, опущенная въ воду, представляется изломанною; но разумъ знаетъ, что это такъ кажется ²⁾.

2) Чувства могутъ ощущать и даже цѣнить отображеніе идей разума, особенно же идеи красоты. Мысль эта довольно ясно высказана въ 32 гл. *De vera religione*, гдѣ Августинъ доказываетъ, что прекрасное, которое состоитъ, по его мнѣнію, въ единствѣ, можетъ быть ощущаемо безотчетно.

«Для многихъ служить цѣлю человѣческое удовольствіе; люди не хотятъ возвестись въ высшему, дабы судить, почему это видимое нравится. Итакъ если я спрошу художника, устроившаго одну арку: почему онъ строить другую на противоположной сторонѣ; то онъ мнѣ отвѣтитъ, что это дѣлаетъ для того, чтобъ было соотвѣтствіе между частями зданія. Далѣе, если я буду продолжать спрашивать: почему онъ хочетъ, чтобъ было соотвѣтствіе между частями зданія; то онъ мнѣ отвѣтитъ: это прилично, это прекрасно, это пріятно для глазъ,—и больше ничего не услышите. А если и мужа, отличающагося внутреннимъ взоромъ и способнаго видѣть невидимое, попрошу чтобъ онъ былъ судья самаго удовольствія человѣческаго, и предложу ему такой вопросъ: потому ли это прекрасно, что нравится, или потому нравится, что прекрасно; то онъ мнѣ безъ сомнѣнія отвѣтитъ, что потому нравится, что прекрасно. Потомъ я спрошу его: почему это прекрасно? Не потому ли, что части подобны одна другой, и нѣкоторой связью приводятся въ соотвѣтствіе? И если онъ согласится, что красота заклю-

¹⁾ Сопл. 8, 6.

²⁾ *De vera relig.*, с. 29.

чается въ этомъ единствѣ, то спрошу его: гдѣ онъ самъ видитъ единство, и откуда знаетъ? Онъ отвѣтитъ, что видитъ и познаетъ единство умомъ¹⁾.

Но рѣшительное мѣсто, говорящее о разумномъ характерѣ нашихъ чувствъ, находится въ книгахъ *De ordine* «Мы имѣемъ, насколько можемъ, постигнуть нѣкоторые слѣды разума въ чувствахъ..²⁾ То, что относится къ чувству зрѣнія, въ чемъ выражается *соотвѣтствіе частей, по законамъ разума* (*rationaliter*), обыкновенно называется прекраснымъ. То, что касается слуха, когда мы слышимъ какую либо пѣснь, составленную гармонически, называется пріятнымъ. Но не въ прекрасныхъ вещахъ, когда насъ прельщаетъ цвѣтъ, и не въ пріятности звуковъ, когда струны звучатъ чисто, плавно, обыкновенно поставляемъ это *rationalabile*. Итакъ остается допустить, что въ удовольствіи самихъ чувствъ мы признаемъ разумнымъ то, гдѣ есть нѣкій разиѣръ и стройность.

«Когда пляшетъ комедіантъ, и своими стройными и искусными движеніями увеселяетъ зрителя; то этотъ танецъ можетъ быть названъ *rationalabilis*, потому что онъ выражаетъ нѣчто хорошее. Но не то бываетъ, когда комедіантъ сдѣлаетъ изъ себя крылатую Венеру, или Купидона, одѣтаго въ длинную злланчу. Какъ ни удивительны тогда движенія комедіанта, но глаза оскорбляются, а чрезъ нихъ и душа, потому что не замѣчаютъ дѣйствій прекрасныхъ.. Иное есть чувство, а иное чрезъ—чувство; превращенное движеніе услаждаетъ чувство, а чрезъ чувство услаждается духъ только прекраснымъ значеніемъ въ движеніи (*pulchra in motu significantia*).

Разсуждая подобнымъ образомъ о чувствахъ, Августинъ, по мнѣнію Феррасса, противорѣчатъ самъ себѣ. Почему, спра-

¹⁾ *De ver. relig.* ч. 32

²⁾ *Terminum quaedam vestigia rationis in sensibus.* (*De ord.* II. 11).

пиваетъ онъ, Августинъ, который такъ хорошо доказалъ, что одинъ разумъ знаетъ чувственную красоту, и который такъ точно различалъ прекрасное отъ пріятнаго, немного далѣе противорѣчить самъ себѣ, почитая чувства истинными судьями прекраснаго? ¹⁾).

У Августина дѣйствительно есть сужденія о чувствахъ, повидимому, совершенно противоположныя. Онъ ясно сказалъ, что чувства не могутъ быть судьями, а судить разумъ: *judicium veritatis non esse in sensibus; ratio iudex est.* И такъ какъ душа, руководящаяся одними чувствами, можетъ заблуждаться, то онъ даже совѣтовалъ отвлекать вниманіе отъ всего чувственнаго и сосредоточиваться въ себѣ, потому что внутри человѣка истина. Ясно также называетъ внутреннее чувство распорядителемъ и судьей, требующимъ себѣ долгаго отъ другихъ чувствъ, которыя также могутъ быть судьями, каждое въ своей области: *sensus interior est moderator et iudex, ille tanquam debitum a ministro flagitat... Sicut ille interior de auditu nostro iudicat sic, iudicat auditus ipse de vocibus.* ²⁾ Но въ вышеприведенномъ текстѣ, на который указываетъ Ферразъ, не только нѣтъ противорѣчій, но даже есть объясненіе тѣхъ противоположныхъ выраженій, которыя встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ сочиненій Августина.

Въ приведенномъ текстѣ Августинъ не назвалъ чувства истинными судьями прекраснаго, а сказалъ только, что чувства находятъ удовольствіе въ прекрасномъ, и что въ нихъ есть слѣды разума: *vestigia rationis.* Онъ даже замѣтилъ, что искусное движеніе, услаждающее чувство, можетъ быть и непріятно для разума, потому что разумъ ищетъ прекраснаго значенія въ движеніи. Но эта мысль совершенно вѣрна, и ни-

¹⁾ De la Psychol. de s. August., par Ferraz; de la raison.

²⁾ De lib. arb. II, 3.

сколько не противорѣчить ученію Августина о томъ, что только разумъ можетъ рассуждать о прекрасномъ. Если разумъ присутствуетъ и въ чувствахъ, то они могутъ быть такъ причучены, такъ настроены, что бессознательно, инстинктивно, не дожидаясь разсужденія разума, дадутъ рѣшеніе вѣрное, согласное съ тѣмъ рѣшеніемъ, какое далъ бы въ подобномъ случаѣ самъ разумъ. Если разумъ присутствуетъ и въ нашихъ чувствахъ, то въ нихъ должны быть и слѣды этого присутствія; эти слѣды бывають такъ рельефны, что по нимъ весьма вѣрно можетъ идти даже тотъ, кто неспособенъ видѣть, а руководится только, такъ сказать, осязавіемъ.

Если же такъ, то Августинъ, называя чувства судьями, хочетъ сказать не то, что они могутъ рассуждать о прекрасномъ, а то, что они могутъ вѣрно ощущать прекрасное и вѣрно выразить свое ощущеніе, подобно тому, какъ дитя можетъ вѣрно заучить и передать преподавшее ему, хотя бы и не было въ состояніи понимать.

Если онъ не признаетъ чувствъ судьями, не совѣтуетъ на нихъ полагаться, если онъ говоритъ, что мы можемъ заблуждаться, полагаясь на одни чувства, что въ нихъ нѣтъ суда истины; то это можно объяснять также, какъ объяснялъ Августинъ заблужденія человѣческаго разума, не смотря на то, что въ немъ обитаетъ истина, что въ немъ есть свѣтъ божественнаго разума, неизмѣняемаго, вѣчнаго. Онъ говоритъ, что иное дѣло разумъ ограниченный, а иное разумъ неограниченный; иное свѣтъ озаряющій глазъ, а иное глазъ, способный въ известной степени принимать этотъ свѣтъ. Такъ и здѣсь: чувства ограничены; предметомъ ихъ можетъ быть только частное¹⁾; они могутъ быть грубы, извращены и т. п.

Преимущественно же видны слѣды разума въ чувствахъ

¹⁾ quod ex parte est. (Conf. IV, 11.)

внутринемъ. Наше внутреннее чувство, говоритъ Августинъ, гораздо превосходитъ чѣмъ у животныхъ, потому что ощущаетъ справедливое и несправедливое ¹⁾. Это чувство не имѣетъ нужды ни въ зрѣнѣ, ни въ ухѣ, ни въ ноздряхъ, ни въ небѣ, ни въ какомъ тѣлесномъ органѣ. Оно даетъ мнѣ знать о томъ, что я есмь, что я знаю о своемъ существованіи и люблю его.

О воображеніи.

Образъ или форма предмета имѣетъ такое же отношеніе въ воображенію, какое имѣютъ предметы къ тѣлесному чувству: какъ тѣло не то же, что идея, какую даетъ намъ объ немъ чувство; такъ чувственная идея отлична отъ той, которая составляется воображеніемъ ²⁾.

Въ актѣ воображенія надобно различать три предмета: видъ тѣла, которое созерцаемъ, образъ его, впечатлѣнный въ чувствѣ, наконецъ волю души, которая склоняетъ чувство къ чувственному предмету ³⁾. Хотя эти три предмета имѣютъ различную природу, но приходятъ въ такое единство, что два первые, при малѣйшемъ внимательствѣ разума, могутъ быть различены. А воля имѣетъ такую силу соединять эти два предмета, что побуждаетъ чувство и составлять образы и сохранять.

Есть три рода представленій: чувственное, мысленное и разумное. Когда читаемъ слова: возлюбь ближняго какъ самого себя; т. е. тѣлесными глазами видимъ написанное, мыслию представляемъ ближняго, а разумомъ любовь. Можно и наоборотъ умственно представлять написанное, а видѣть тѣлесными глазами ближняго; но любовь не можетъ быть ни видима тѣлесными глазами, ни

¹⁾ Quo iusta et iniusta sensimus; iusta per intelligibilem speciem, iniusta, per eius privationem. (De civ. Dei. XI, 27).

²⁾ De Trin. XI, 2.

³⁾ Species corporis, quae videtur, impressa ejus imago sensui, et voluntas animi, quae rei sensibili sensum admoveat. (ib.)

представляема въ умѣ подѣ образомъ, подобнымъ тѣлу; она можетъ быть познаваема и открываема только разумомъ. ¹⁾

Другой примѣръ: Валтасаръ видитъ тѣлесными глазами руку, пишущую буквы на стѣнѣ: вотъ видѣніе тѣлесное. Эта рука потомъ исчезаетъ и буквы изглаживаются, но Валтасаръ однакожь продолжаетъ ихъ видѣть мысленно: вотъ видѣніе мысленное. Наконецъ Давидъ объясняетъ ему, что значать эти таинственные буквы: вотъ видѣніе разумное. ²⁾

Предметами представленій перваго рода служатъ небо, земля, море и другія вышнія вещи, когда онѣ находятся предъ нами. Представленія втораго рода бывають тогда, когда мы воображаемъ ѳги самыя вещи или такими, какими мы ихъ видѣли, или по произволу измѣняя ихъ. Третьяго рода представленія собственно и не суть представленія: это предметы, которые мы знаемъ не въ ихъ изображеніяхъ, а въ нихъ самихъ. ³⁾

«Въ представленіяхъ человѣческой души», говоритъ Августинъ, «участвуетъ изслѣдующій и обнимающій разумъ» ⁴⁾. Воображеніе есть и у животныхъ; но оно имѣетъ въ человѣкѣ особенный характеръ, отъ дѣйствія разума, котораго животныя не имѣютъ. Животное имѣетъ представленіе безъ начала правящаго; оно не знаетъ прогресса, а всегда остается въ одномъ положеніи. Человѣкъ, напротивъ, имѣя разумъ, который внушаетъ ему идею истины, добра и красоты, можетъ соединять свои представленія, раздѣлять, дѣлать между ними выборъ, усовершенствовать.

¹⁾ Tria sunt genera visionum: primum appellamus corporale, secundum spiritale, tertium vero intellectuale. (De Gen. ad lit. XII, 7.) Omnes has imagines... in tria genera commodissime ac verissime distribui valeo: quorum est unum sensus rebus impressum, alterum patatis, alterum ratis. (Ep. VII. Nebridio c. 2).

²⁾ De Gen. ad lit. XII, 11.

³⁾ Ibid. c. 6.

⁴⁾ Ibid. c. 11.

Разумъ 1) комбинируетъ представленія.

Невридїй обратился къ Августину съ вопросомъ: не заимствуетъ ли воображеніе матеріалъ изъ себя самого? Не таково ли отношеніе чувствъ къ операціямъ воображенія, каково отношеніе ихъ къ операціямъ разума? Для разума чувства служатъ только указателями. Они представляютъ ему случаи разсматривать мысленно чувственные предметы; но не служатъ для него основаніемъ. Не бываетъ ли того же и относительно воображенія? Оно часто представляетъ такіе предметы, которые ускользаютъ отъ чувствъ: этого не было бы, еслибы оно не имѣло собственнаго источника образовъ 1). Августинъ рѣшительно отвергъ это предположеніе. Если душа, отвѣчаетъ она, можетъ вообразить тѣла, не ощущая ихъ, то измѣненія, происходяція собственно въ душѣ, должны бы быть выше тѣхъ, которыя происходятъ отъ обманчивыхъ чувствъ; мысли человѣка спящаго или болѣзненнаго должны быть поставлены выше мыслей человѣка бодрствующаго и совершенно здороваго. Неужели солнце, которое видятъ во снѣ или въ бреду сумасшедшіе, должно быть болѣе истинно, чѣмъ то, которое видимъ въ состояніи бодрствующемъ и здоровомъ?... Мы не можемъ вообразить того, чего не видѣли, не испытали. Мы никакъ не можемъ вообразить себѣ вкуса той ягоды, которой никогда не отвѣдывали; потому что можно вообразить только то, что было предметомъ чувствъ. Вотъ почему тѣ, кои слѣпы издѣтства, когда ихъ спрашиваютъ о свѣтѣ и цвѣтѣ, не знаютъ что отвѣчать; они не могутъ представить себѣ тѣхъ образовъ, которыхъ никогда не видѣли 2).

Разумъ говоритъ вамъ, что тѣло, даже самое малое, можетъ дѣлиться въ безконечность; и какъ бы ни было мало тѣло, разумъ никогда не перестанетъ предполагать, что оно можетъ

1) Epist. VI.

2) Epist. VII.

быть раздѣлено еще на меньшія частицы. Но иначе поступаетъ воображеніе; когда мы раздробимъ тѣло на такія частицы, которыя гораздо меньше и незамѣтнѣе видѣнныхъ нами, то воображеніе не всостояннн бываетъ представить ихъ и прекращаетъ свое дѣйствіе. Это показываетъ, что мы можемъ представить себѣ или только то, что помнимъ, или на основаніи того, что помнили ¹⁾.

Но не смотря на то, что человѣческое воображеніе не можетъ представить ничего такого, чего еще не было, въ чувствахъ оно по справедливости называется производительнымъ или творческимъ.

Наше воображеніе имѣетъ способность уменьшать, увеличивать, переставлять, измѣнять образы, представляемые чувствами и сохраняемые памятью; а отъ подобнаго рода операций можетъ произойти такой образъ предмета, какового мы никогда не видѣли въ цѣльномъ составѣ: такъ, напримѣръ, если мы видѣли малое вмѣстѣлице воды, то можемъ вообразить и море; потому что для этого слѣдуетъ только увеличить видѣннй нами образъ ²⁾. Посредствомъ ряда прибавленій и добавленій, наша душа можетъ составить даже такой образъ предмета, какового онъ и въ дѣйствительности не имѣетъ: напримѣръ можетъ представить предметъ круглымъ, квадратнымъ, движущимся, надающимъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ было совершенно иначе ³⁾.

2) Разумъ исправляетъ дѣйствіе воображенія. Наши представленія часто бывають ложны. Наша воля часто ведетъ воображеніе чрезъ тайники памяти по производу, и для предста-

¹⁾ Ratio quidem pergit, sed phantasia non sequitur.—Ita nulla corporalia, nisi aut ex, quae meminimus, aut ex his, quae meminimus cogitamus. (De Trin. XI, 10.)

²⁾ Epist. VII

³⁾ De Trin. XI, 8.

влянія иного предмета, она, на основаніи того, что помнимъ, заставляеть насъ брать матеріаль изъ разныхъ мѣсть и соединять въ одинъ образъ, который можетъ быть названъ ложнымъ, потому что не соотвѣтствуетъ природѣ существующаго. Такъ я могу представить чернаго лебедя. Кто когда видѣлъ чернаго лебедя? Но однакоже мы можемъ вообразить подобную птицу, потому что видѣли и лебедя и черный цвѣтъ. Мы можемъ представить птицу съ четырьмя ногами, потому что къ двумъ ногамъ, которая мы видѣли, не трудно прибавить еще двѣ такихъ же. Словомъ, если мы представляемъ въ совокупности то, что помнимъ отдѣльно, то образуется фальшивая форма предмета ¹⁾.

Къ этому роду представленій Августинъ причисляетъ все то, что глупость или суевѣріе людей приняло за истину, какъ напримѣръ адскую рѣку Флегетонъ, ось, на которой вертится земля, а также разныя невѣроятныя предположенія, напримѣръ что земля имѣеть видъ четверугольника.

Итакъ наше воображеніе должно быть руководимо и управляемо разумомъ. «Разумъ есть та верховная способность, которая судить не только о тѣлахъ, но и объ ихъ фантазмахъ, и которая часто говоритъ имъ: вы не то, чего я ищу» ²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что воображеніе не только полезно, но даже необходимо въ дѣлахъ вѣры, потому что опираясь на чувственныя формы, мы можемъ возвыситься къ тому, что не подлежитъ чувству. Но ни мудрость ни справедливость немислимы при одномъ воображеніи; потому что образы, представляемые этой способностію, имѣють очень мало реальности, и еслибы мы захотѣли напитать свой духъ этими образами, то это было бы тоже самое, какъ еслибы кто захотѣлъ напитать свое тѣло великолѣпными, но пустыми блюдами. Одинъ разумъ

¹⁾ Ibid. c. 10.

²⁾ De vera relig. 39.

может доставить воображенію истинную пищу, одинъ онъ своимъ свѣтомъ можетъ объяснить намъ истинное значеніе образовъ. Притомъ же люди часто не умѣютъ различить дѣйствій воображенія отъ дѣйствія сознанія. Они представляютъ чистымъ ничто тотъ предметъ, который хотя и создается ими, но не можетъ быть видимъ; а потому духовные предметы воображаются матеріальными, и не только душѣ, но и самому Богу приписываютъ тѣлесный видъ. Все это показываетъ, что не напрасно намъ заповѣдано избѣгать тѣней и фантазовъ, и не полагаться на руководство опасной способности воображенія ¹⁾.

Кромѣ нормальнаго состоянія воображенія, есть состояніе ненормальное. Въ своихъ сочиненіяхъ Августинъ рассуждаетъ преимущественно о двухъ видахъ такого состоянія: *сновидѣніи* и *экстазѣ*. Онъ даетъ понятіе о томъ и другомъ явленіи, говоритъ о различіи ихъ, причинахъ, слѣдствіяхъ; но главнымъ образомъ занимается рѣшеніемъ вопроса: можетъ ли душа и во время ненормальнаго состоянія продолжать дѣйствовать своимъ разумомъ. На этотъ предметъ онъ обратилъ вниманіе, имѣя въ виду цѣль религіозную, именно доказать возможность пророчества и откровенія.

Что такое сновидѣніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ у Аристотеля, но отвѣтъ матеріалистическій. Этотъ философъ думалъ, что сновидѣніе есть игра одного воображенія, и притомъ бываетъ только во время легкаго сна. Въ водѣ мутной не отражается ничто; въ водѣ текучей отражаются предметы, но не совсѣмъ правильно, въ видѣ большемъ или меньшемъ; только чистая и стоячая вода отражаетъ предметы въ ихъ естественной величинѣ и ясно какъ въ зеркалѣ. Тоже бываетъ, говоритъ Аристотель, и во время сна. Когда фантазія

¹⁾ Conf. VII, 1. Cris. VII, c. 3

возмущена, душа не представляет ничего, не видит сновъ. Это обыкновенно случается съ дѣтьми и тѣми, кои спятъ крѣпко. Но по мѣрѣ того, какъ испаренія происходящія отъ пищи, пересвариваемой въ желудкѣ, становятся тоньше и легче, душа начинаетъ фантазировать. Это бываетъ обыкновенно во время легкаго сна и при пробужденіи ¹⁾.

Августинъ очень хорошо понимаетъ, что съ допущеніемъ этой теоріи можно встрѣтить сильныя возраженія противъ догмата о духовности и безсмертіи души. Если разумъ, говорятъ матеріалисты, не принимаетъ никакого участія въ дѣйствіяхъ души во время сна, если душа перестаетъ мыслить въ то время, когда перестаетъ ощущать; то ясно, что идеи суть продукты ощущенія, и что если не будетъ этихъ ощущеній, то не будетъ и души: *somnus est simillima mortis imago*.

Имѣя въ виду подобныя сужденія, Августинъ доказываетъ, что сонъ не есть параличъ органовъ чувствъ и способности воображенія, а есть отдохновеніе первыхъ и бодрствованіе послѣдняго ²⁾. Человѣкъ ничего не видитъ во снѣ изъ окружающихъ предметовъ, но въ его душѣ еще остается свѣтъ, — это необходимое условіе для того чтобы видѣть. Пробудившись отъ сна, мы вспоминаемъ цвѣта, запахъ, звукъ, вообще то, что получается посредствомъ чувствъ; слѣд. мы не были совершенно лишены способности чувствовать, когда воображали подобныя предметы. Мы различали тогда одинъ предметъ отъ другаго, одушевленное отъ неодушевленнаго, и слѣд. не были лишены способности пониманія ³⁾.

¹⁾ De sens. et sensib.

²⁾ Наше глго, говоритъ Августинъ, имѣеть на насъ силъ во-нѣ; но глго-нѣ оно будучи слабо и бржно, не можетъ долго служить душѣ, всегда бодрствующей и всегда длго живон. Тѣст. в. Р. С. С. 62. 3.

³⁾ De anim. et ej. ord. c. 18.

«Часто ложныя видѣнія убѣждаютъ спящаго въ томъ, въ чемъ не могутъ убѣдить бодрствующаго и истинныя. Гдѣ же бываетъ тогда разумъ, который во время бодрствованія противуствуетъ обольщенію? Неужели и онъ засыпаетъ вмѣстѣ съ тѣлесными чувствами? Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ и тогда, потому что во снѣ мы часто противимся увлеченіямъ, и помня свою рѣшимость противиться обольщеніямъ, не обнаруживаемъ никакого къ нимъ сочувствія» ¹⁾. Со мною самимъ, говоритъ Августинъ, часто случалось, что я во время сна, сознавалъ, что вижу грезы, а не дѣйствительные предметы, но только не было во мнѣ яснаго сознанія о томъ, что я такимъ образомъ разсуждаю во время сна, а не въ бодрственномъ состояніи ²⁾.

Этого мало, душа можетъ дѣйствовать во время сна еще свободнѣе и легче. «Хотя и въ тѣлѣ часто бываетъ причина сновидѣній, но не тѣло производитъ ихъ; потому что тѣло не имѣетъ такой силы, чтобы образовать что-либо духовное. Но когда загражденъ путь вниманію души, которымъ обыкновенно управляются движенія чувственыя, тогда она или въ себѣ самой производитъ образы подобныя тѣлеснымъ, или созерцаетъ образы духовныя. Въ первомъ случаѣ бываютъ фантазія, а во второмъ видѣнія» (*assensiones*) ³⁾.

Предметомъ видѣнія можетъ быть или то, что совершается въ мірѣ высшемъ, небесномъ, или то, что имѣетъ совершиться въ мірѣ нашемъ, земномъ. Какимъ образомъ бываютъ подобныя видѣнія, —этого Августинъ не беретъ объяснять изъ законовъ естественныхъ.

¹⁾ *Conf.* X, 30.

²⁾ *De Gen. ad. lit.* XII, 2.

³⁾ *Ibid.*

«Нѣкоторые хотѣтъ, чтобы человѣческая душа имѣла въ себѣ самой способность предвидѣть будущее. Но если такъ, то почему она не всегда можетъ пророчествовать, когда хочетъ? Не потому ли, что не всегда получаетъ пособіе? Но если получаетъ пособіе, то отъ кого и какимъ образомъ? Не видѣть ли она въ себѣ чего-либо такого, что невидимо для нея въ бодрственномъ состояніи, подобно тому, какъ мы не всегда созерцаемъ заключающесся въ памяти? или освобождаясь отъ препятствій, она своею силою открываетъ то, что должно быть предметомъ видѣнія?.. Что изъ этого вѣрно,—сказать не могу утвердительно. Не сомнѣваюсь только въ томъ, что тѣлесные образы, которые созерцаются духомъ, не всегда бываютъ знаменіемъ *иныхъ* вещей¹⁾. Мы видимъ во время сна безчасленные образы вещей, непостижимыхъ тѣлесными чувствами. Но кто можетъ объяснить, какимъ образомъ и какою силою это бываетъ? Кто осмѣлится сказать что-либо определенное объ этихъ рѣдкихъ и необыкновенныхъ явленіяхъ? Я не берусь объяснить это, потому-что не могу понять даже того, что бываетъ съ нами въ бодрственномъ состояніи. Когда я пишу къ тебѣ это письмо, то созерцаю тебя духовно, и знаю при этомъ, что ты не при мнѣ. Но какъ это происходитъ въ душѣ, постигнуть не могу. Я только увѣренъ, что необыкновенныя видѣнія дѣйствительно бываютъ, и потому расскажу тебѣ слѣдующій случай. Братъ нашъ Геннадій, извѣстный почти всѣмъ и любимѣйшій нашъ медикъ, перѣдко задавалъ себѣ вопросъ: есть ли жизнь по смерти тѣла? Но такъ какъ онъ творилъ дѣла милосердія, которыя были угодны Богу, то однажды явился ему во снѣ прекрасный юноша и сказалъ: слѣдуй за мною. Когда онъ послѣдовалъ за юношей, то достигъ нѣкоего града, съ правой стороны котораго дохо-

¹⁾ De Gen. ad. lit. XII, 13.

«Часто ложныя видѣнія убѣждаютъ спящаго въ томъ, въ чемъ не могутъ убѣдить бодрствующаго и истинныя. Гдѣ же бываетъ тогда разумъ, который во время бодрствованія противуствуетъ обольщенію? Неужели и онъ засыпаетъ вмѣстѣ съ тѣлесными чувствами? Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ и тогда, потому что во снѣ мы часто противимся увлеченіямъ, и помня свою рѣшимость протѣяться обольщеніямъ, не обнаруживаемъ никакого къ нимъ сочувствія» ¹⁾. Со мною самими, говоритъ Августинъ, часто случалось, что я во время сна, сознавалъ, что вижу грезы, а не дѣйствительные предметы, но только не было во мнѣ яснаго сознанія о томъ, что я такимъ образомъ разсуждаю во время сна, а не въ бодрственномъ состояніи ²⁾.

Этого мало, душа можетъ дѣйствовать во время сна еще свободнѣе и легче. «Хотя и въ тѣлѣ часто бываетъ причина сновидѣній, но не тѣло производитъ ихъ; потому что тѣло не имѣетъ такой силы, чтобы образовать что-либо духовное. Но когда загражденъ путь вниманію души, которымъ обыкновенно управляются движенія чувственыя, тогда она или въ себѣ самой производитъ образы подобныя тѣлеснымъ, или созерцаетъ образы духовныя. Въ первомъ случаѣ бываютъ фантазіи, а во второмъ видѣнія» (*assensiones*) ³⁾.

Предметомъ видѣнія можетъ быть или то, что совершается въ мірѣ высшемъ, небесномъ, или то, что имѣетъ совершиться въ мірѣ нашемъ, земномъ. Какимъ образомъ бываютъ подобныя видѣнія, —этого Августинъ не беретъ объяснять изъ законовъ естественныхъ.

¹⁾ Conf. X, 30.

²⁾ De Gen. ad. litt. XII, 2.

³⁾ Ibid.

«Нѣкоторые хотятъ, чтобы человѣческая душа имѣла въ себѣ самой способность предвидѣть будущее. Но если такъ, то почему она не всегда можетъ пророчествовать, когда хочетъ? Не потому ли, что не всегда получаетъ пособіе? Но если получаетъ пособіе, то отъ кого и какимъ образомъ? Не видать ли она въ себѣ чего-либо такого, что невидимо для нея въ бодрственномъ состояніи, подобно тому, какъ мы не всегда созерцаемъ заключающееся въ памяти? или освобождаясь отъ пріятствій, она своею силою отыскаваетъ то, что должно быть предметомъ видѣнія?.. Что изъ этого вѣрно,—сказать не могу утвердительно. Не сомнѣваюсь только въ томъ, что тѣлесные образы, которые созерцаются духомъ, не всегда бываютъ знаменіемъ *мысли* вещей¹⁾. Мы видимъ во время сна безчисленные образы вещей, нецелостигаемыхъ тѣлесными чувствами. Но кто можетъ объяснить, какимъ образомъ и какою силою это бываетъ? Кто осмѣлится сказать что-либо определенно объ этихъ рѣдкихъ и необыкновенныхъ явленіяхъ? Я не беруся объяснить это, потому-что не могу понять даже того, что бываетъ съ нами въ бодрственномъ состояніи. Когда я пишу къ тебѣ это письмо, то созерцаю тебя духовно, и знаю при этомъ, что ты не при мнѣ. Но какъ это происходитъ въ душѣ, постигнуть не могу. Я только увѣренъ, что необыкновенныя видѣнія дѣйствительно бываютъ, и потому расскажу тебѣ слѣдующій случай. Братъ нашъ Геннадій, извѣстный почти всѣмъ и любимѣйшій нашъ медикъ, перѣдко задавалъ себѣ вопросъ: есть ли жизнь по смерти тѣла? Но такъ какъ онъ творилъ дѣла милосердія, которыхъ были угодно Богу, то однажды явился ему во снѣ прекрасный юноша и сказалъ: слѣдуй за мною. Когда онъ послѣдовалъ за юношей, то достигъ нѣкоего града, съ правой стороны котораго дохо-

¹⁾ De Gen. ad. lit. XII, 13.

дали до его слуха звуки пріятнѣйшаго пѣнія. На вопросъ: что это такое? Геннадій получилъ отвѣтъ: это гимны блаженныхъ святыхъ. Что было на лѣвой сторонѣ града,—этого онъ не помнилъ хорошо»¹⁾).

Но не находя возможнымъ объяснить подобныя явленія изъ причинъ естественныхъ, Августинъ глубоко вѣрилъ, что есть ирчинны ихъ сверхъестественныя; и очень часто говоритъ о вліяніи на нашу душу какъ добрыхъ, такъ и злыхъ духовъ; и даже старается изъ началъ разума доказать возможность такого вліянія.

Однажды Невридіи обратился къ нему съ вопросомъ: «какимъ образомъ высшія силы могутъ имѣть вліяніе на наши свовидѣнія? какими дѣйствуютъ машинами, инструментами, медикаментами? Можетъ быть онѣ наполняютъ нашу душу своими мыслями, или показываютъ намъ то, что дѣлается въ ихъ тѣлѣ, или въ ихъ фантазіи? Но если допустить первое, то отсюда будетъ слѣдовать, что мы имѣемъ внутри себя еще другіе глаза тѣлесные, которыми видимъ то, что дѣлается въ ихъ тѣлѣ. Если же духи не прабѣгаютъ къ помощи тѣли, а показываютъ намъ то, что въ ихъ фантазіи; то почему же я своей фантазіей не могу подобнымъ образомъ подѣйствовать на твою фантазію?»²⁾). Августинъ отвѣчаетъ Невридію такъ: Всякое движеніе души оставляетъ нѣкоторый отпечатокъ въ тѣлѣ. Хотя намъ не всегда замѣтно, какъ отпечатлѣвается мысль въ тѣлѣ, но для существъ эфирныхъ, которыхъ чувства несравненно острѣ нашихъ, легко замѣтить подобный отпечатокъ. И если движеніе нашихъ членовъ бываетъ (напримѣръ отъ дѣйствія музыкальныхъ инструментовъ) изумительно; то почему не допустить, что духи своимъ эфирнымъ тѣломъ мо-

¹⁾ Epist. Evodio. 159.

²⁾ Epist. VIII.

гуть произвести въ насъ тѣлѣ движенія, какія имъ угодно, а посредствомъ этихъ движеній произвести въ насъ и извѣстныя чувствованія, мысли? ¹⁾).

Говоря объ экстазѣ, Августинъ имѣлъ въ виду ученіе Плотина.

Такъ какъ въ *Умѣ*, училъ Плотинъ, есть и *Единое*, то духъ отъ созерцанія Ума можетъ перейти къ созерцанію Единаго, и такимъ образомъ достигнуть высшей степени познанія. Безъ сомнѣнія это возможно только тогда, когда Единое распространить въ нашей душѣ чрезвычайный свѣтъ и открыть въ ней глазъ для высшаго созерцанія. Но этотъ свѣтъ является внезапно, неожиданно, безъ всякихъ съ нашей стороны усилій; и въ то время, когда онъ озаритъ нашу душу, не только исчезнетъ въ ней чувственное познаніе и индивидуальное самопознаніе, но испарится даже идеальное познаніе Ума; тогда всѣ низшія ступени познанія какъ бы переставутъ существовать, и человѣкъ будетъ находиться въ состояніи *экстаза* ²⁾).

Августинъ соглашается съ Плотинномъ, что дѣйствительно бываетъ такое состояніе, когда душа какъ бы выходитъ изъ себя, а потому и называется оно экстазомъ - *excessus mentis* ³⁾; даже говорить, что онъ имѣлъ случай видѣть примѣръ такого состоянія ⁴⁾. Онъ готовъ признать, что во время экстаза бывають видѣнія, имѣющія высшее значеніе - *significanti divinitus* ⁵⁾. Но, по его мнѣнію, это состояніе не только не выше, но ниже того, когда умъ созерцаетъ истину въ ней самой;

¹⁾ Epist. IX.

²⁾ Καὶ οὕτως σφραγιστὸς ἐστὶ τὸ ἐξάντατος (φουρή), ὅτι ἐστὶν ἐν αὐτῷ, οὕτως ἐαυτῷ ἄλλ' ὅτι λέγει ὁκ ἀνθρώπων, ὁ ζῶων, οὐκ ὄν, οὐδὲ πάν.

(Еп. . . I 7, с. 31).

³⁾ Epist. in Pradim. 30-67.

⁴⁾ Августинъ свѣдѣ о другомъ простомъ человѣкѣ, который сожалѣлся что не видитъ, но видитъ нѣчто божье помощью глазъ. Это дума моя видѣть, говорилъ онъ, а не глаза. (De Gen. ad Int. XII, с. 2);

⁵⁾ De anim. et ej. orig. 18.

главное же, что экстазъ часто бываетъ слѣдствіемъ расстрой-ства тѣлеснаго организма, и потому ничего не представляетъ, кромѣ пустой игры воображенія.

Въ состояніи экстаза воображеніе бываетъ такъ живо, что кажущіеся предметы душа принимаетъ за дѣйствительно существующіе, и представляетъ внѣшнимъ то, что происходитъ въ духѣ. Слѣдовательно экстазъ есть тоже сновидѣніе, съ тѣмъ только различіемъ, что во снѣ душа не отрѣшается совершенно отъ чувствъ, а въ экстазѣ она не чувствуетъ того, что происходитъ въ тѣлѣ; во время сна тѣло покоится, а въ экстазѣ бодрствуетъ, хотя и превратно оцущаетъ внѣшніе предметы ¹⁾.

«Во время бодрствованія мы очень хорошо различаемъ тѣлесное видѣніе отъ видѣнія мысленнаго, которымъ представляемъ въ воображеніи отсутствующія тѣла, или въ памяти воспоминаемъ то, что узнали, или то, что сами измыслили. Мы очень хорошо различаемъ отъ всего этого тѣлесные предметы, которые видимъ, и увѣрены въ томъ, что это тѣла, а то образы тѣлъ. Но при чрезмѣрномъ вниманіи мысли, или отъ дѣйствія какой либо болѣзни (что обыкновенно случается съ сумасшедшими, или находящимися подъ вліяніемъ духовъ, какъ добрыхъ такъ и влкихъ), образы отсутствующихъ предметовъ такъ живо отпечатлѣваются въ душѣ, что какъ будто самыя тѣла находятся предъ нашими тѣлесными чувствами. Такимъ образомъ въ то время вмѣстѣ созерцается и нѣкій человѣкъ присутствующій и нѣкій отсутствующій, первый тѣлесными глазами, а послѣдній духомъ, какъ глазами. Пришедши въ себя, нѣкоторые рассказываютъ то, что видѣли, а нѣкоторые не могутъ рассказать, точно также какъ и сны одними помнятся, а другими забываются. Въ экстазѣ мы даже открытыми глазами не замѣчаемъ окружающихъ насъ предметовъ, не слышимъ ни

¹⁾ De Gen. ad lit. XII, 12.

одного звука, а все вниманіе души бываетъ тогда обращено или на образы тѣла, находящіеся въ насъ, или на безтѣлесные предметы, принадлежащіе разуму¹⁾.

Экстазь, по Августину, есть такой родъ видѣній, который гораздо внутреннѣе, чѣмъ созерцаніе при посредствѣ чувствъ: (въ экстазѣ перѣдко умъ отрѣшается отъ чувствъ тѣла, духъ человека восхищается Духомъ Божиимъ и видитъ образы безтѣлесныхъ предметовъ)²⁾, но не столь однакожь внутренъ, какъ тотъ, когда мыслящая и разумная душа видитъ что либо въ самой неизмѣняемой истинѣ, при свѣтѣ которой она судитъ о вещахъ³⁾. Въ экстазѣ душа видитъ безтѣлесное подъ образомъ тѣлеснымъ; себя видитъ въ образѣ своего тѣла; даже до такой степени видитъ себя подобною тѣлу, что совершенно не можетъ отличать себя отъ тѣла⁴⁾.

Примѣръ подобнаго экстаза можно видѣть въ жизни ап. Петра, когда онъ, во время молитвы, увидѣлъ *небо отверсто, и сходящъ нать сосудъ нѣкій яко плащаницу велю, въ немже бѣху вса четвероногая земли* (Дѣян. 10, 11). Но когда, послѣ этого видѣнія, ап. Петръ началъ размышлять съ самимъ собою о томъ, что значить видѣнное, и чего желаетъ Богъ, удостоивъ его подобнаго откровенія; то это уже былъ не экстазь, а озареніе ума свѣтомъ Божиимъ, — это была, какъ выражается Августинъ, *besѣда Бога in ipsa mente*, а не *in spiritu* только какъ въ экстазѣ⁵⁾.

Какъ и откуда происходятъ видѣнія во время экстаза, Августинъ не объясняетъ, потому что почитаетъ объясненіе невозможнымъ. «Если кто, говоритъ онъ, можетъ изслѣдовать и вѣрно

¹⁾ De Gen. ad lit. XII, 12.

²⁾ De divers. quest. qu. I.

³⁾ Exterior est quam illud, quod in ipsa incommutabili veritate mens rationabilis et intellectualis intuetur. (De Gen. ad lit. XIII, 20)

⁴⁾ De civ. Dei XXI, 10.

⁵⁾ Sermo XII, c. 4.

понять причины и способ этих видѣній и предсказаній, то я лучше хотѣлъ бы послушать такового, чѣмъ разсуждать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Всѣ подобныя видѣнія я сравниваю съ видѣніями спящихъ. Послѣднія иногда бываютъ ложны, а иногда истинны; иногда не покойны, а иногда покойны, и даже самыя истинныя иногда совершенно подобны будущимъ событіямъ, а иногда только въ темныхъ образахъ и какъ бы фигурально предсказываютъ о томъ, что случится. Таковы и видѣнія экстаза. Люди любятъ разжевывать неразслѣдованное, и отыскивать причины неразрѣшеннаго. Почему же они не заботятся узнать то, что бываетъ ежедневно и причина чего можетъ быть еще сокровеннѣе?.. Итакъ если кто спроситъ меня, откуда являются видѣнія въ состояніи экстаза, которыя впрочемъ случаются рѣдко; то я взаимно спрошу, откуда у спящихъ являются видѣнія, которыя испытываетъ душа ежедневно. Неужели природа этихъ видѣній менѣе удивительна потому, что они бываютъ ежедневно, или менѣе достойны вниманія потому, что общи всѣмъ? Я же тѣмъ болѣе удивляюсь и тѣмъ болѣе недоумѣваю, что душа съ большею легкостію и своростію производитъ въ себѣ образы тѣлъ видимыхъ при посредствѣ тѣлесныхъ глазъ, чѣмъ тѣ образы, которые бывають во снѣ или даже въ экстазѣ. Какова бы впрочемъ ни была природа этихъ видѣній, во всякомъ случаѣ она не тѣлесна. Кому кажется неудовлетворительнымъ мой отвѣтъ, тотъ пусть спроситъ другихъ, откуда происходятъ видѣнія; я же сознаюсь, что не знаю¹⁾. Я могу сказать только то, что какъ недостатки, болѣзни, и даже самая смерть тѣла иногда зависятъ отъ состоянія тѣла, а иногда отъ состоянія души; такъ и видѣнія душевныя иногда имѣютъ главную причину въ состояніи тѣла, а иногда въ состояніи души, особенно если она находится подъ влияніемъ силъ высшихъ, добрыхъ или злыхъ²⁾.

¹⁾ De Gen. ad. n. XII. 18.

²⁾ Ibid. c. 19.

Изложивъ ученіе Августина о воображеніи, почитаемъ полезнымъ замѣтить, что онъ часто смѣшиваетъ эту способность съ чувственнымъ представленіемъ и воспоминаніемъ. Если мнѣ представляется какой либо предметъ, и я его вижу, т. е. составляю въ умѣ образъ его; то это, по Августину, есть воображеніе. Если я представляю предметъ отсутствующій, но видѣнный мною, то это будетъ фантазія, а если составляю себѣ образъ предмета, котораго не видѣлъ, то это фантазма ¹⁾. Такого рода опредѣленія не приняты въ наше время. Новѣйшіе писатели говорятъ, что мы можемъ представить себѣ отсутствующій и даже переставшій существовать предметъ весьма живо, наприм. тотъ домъ въ которомъ жила; но если ничего не прибавимъ къ тому, что было въ домѣ и съ домомъ, то это будетъ простое воспоминаніе, а не воображеніе.

О п а м я т и.

«Память есть сокровищница представленій о всякаго рода предметахъ. Эта обширная кладовая, съ своими таинственными и необъяснимыми камерами, все принимаетъ для храненія, и, въ случаѣ надобности, для обратной выдачи. Тамъ находится все то, что сообщено моей душѣ чувствами. Тамъ и небо и земля и горы и море, и притомъ въ столь же огромныхъ размѣрахъ, какъ и въ дѣйствительности. Тамъ и я самъ, со всѣми моими мыслями, желаніями, намѣреніями, дѣйствіями; словомъ, тамъ все, что я или самъ испыталъ, или принялъ на вѣру отъ другихъ, все, чего еще не поглотило и не похоронило забвеніе».

«Но впечатлѣнія, получаемыя памятью, проникаютъ въ нее каждое своимъ путемъ, складываются по родамъ и видамъ, и

¹⁾ Фантазма говоритъ онъ, суть *imagines*, а фантазии—*imagines imaginum*. (De mus. VI, 11).

сохраняются въ известномъ порядкѣ. Иное полагается на поверхности души, а шое проникаеть въ глубину ея, какъ будто въ самыя далекіе и сокровенныя ящики. Для всякаго впечатлѣнія есть свое отдѣльное мѣсто, гдѣ оно и лежитъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ взято»¹⁾.

Таковъ общій взглядъ Августина на память. Разсмагивая въ частности содержаніе памяти, онъ находитъ въ немъ три рода предметовъ: образы вещей, самыя вещи и, наконецъ, новтія²⁾. Перваго рода предметы относятся къ памяти чувственной, а втораго и третьяго къ разумной³⁾.

Такъ какъ чувственную память имѣють и неразумныя животныя, то Августинъ вообще мало говоритъ объ ней; и въ своихъ непогихъ словахъ о чувственной памяти проводитъ, главнымъ образомъ, ту мысль, что образы чувственныхъ предметовъ, проникающіе въ нашу память, имѣють характеръ духовный; и слѣдовательно могутъ быть воспринимаемы только душою. «Предположимъ, что раздался звукъ отъ какого нибудь тѣла, и потомъ затихъ. До того времени, пока не раздавался этотъ звукъ, онъ принадлежалъ времени будущему и не могъ быть измѣряемъ, потому что его не было еще. Въ то время, когда онъ затихъ, его нельзя измѣрять, потому что его нѣтъ уже; онъ уже принадлежитъ времени прошедшему. Но однакожъ я измѣряю его, и на основаніи свидѣтельства собственныхъ чувствъ, съ увѣренностію говорю, что по времени или по силѣ онъ былъ таковъ, или таковъ. Что отсюда слѣдуетъ? слѣдуетъ то, что я измѣряю звуки по тѣмъ образамъ, которые они оставляють въ души моей и которые сохраняются въ памяти, или лучше по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя они произвели на

¹⁾ Conf. X, 8.

²⁾ Per imagines rerum, per praesentiam, per notiones vel notationes (ibid. 17).

³⁾ De Trin. XV, 33.

меня ¹⁾. Когда произносятъ имя Медиолана, то этотъ городъ тотчасъ представляется мнѣ, и представляется такимъ, каковъ онъ есть, во всемъ своемъ пространствѣ, не смотря на то, что я далеко нахожусь отъ него. Я его не вижу, но представляю; слѣдовательно не самъ этотъ городъ находится во мнѣ, но только его образъ. Но столь великій образъ не могъ бы помѣститься во мнѣ, еслибы не былъ безтѣлесенъ и еслибы память была принадлежностію тѣла, а не души... ²⁾. Люди идутъ подивиться на высоту горъ и огромныя волны моря, на величайшіе водопады, безбрежность океана и теченіе звѣздъ, а не обращаютъ вниманія на себя самихъ; не удивляются, что, говоря о всемъ этомъ, я не имѣлъ предъ глазами ни горъ, ни рѣкъ и проч.; но не сказали бы ни о горахъ, ни о волнахъ, ни о рѣкахъ, ни о звѣздахъ, которыя я видалъ, ни объ океанѣ, о которомъ слышалъ, еслибы въ своей памяти не представляли все эти предметы въ столь же огромныхъ размѣрахъ, каковы они въ дѣйствительности. Но не самые предметы ея поглотили своими взорами; не сами они остались во мнѣ, а только образы ихъ ³⁾.

Все вниманіе Августина обращено на тѣ свойства памяти человѣческой, которыми она существенно отличается отъ памяти неразумныхъ животныхъ. Онъ хочетъ доказать, что наша память не все воспринимаетъ отъ нѣ, но многое воспроизводитъ извнутри себя, что она даже не могла бы воспринять нѣкоторыхъ предметовъ, еслибы не была предрасположена къ нимъ, еслибы не находила въ себѣ самой нѣкотораго понятія объ нихъ.

«Кромѣ идей о ви́шнихъ предметахъ, говоритъ онъ, моя память, въ той части души, которая болѣе сокровенна и глу-

¹⁾ Conf. X, 27.

²⁾ De qu. an. e. B. Contr. ep. man. c. 17.

³⁾ Conf. X, 8.

бога, содержать свѣдѣнія о литературѣ, діалектикѣ и разныхъ ученыхъ предметахъ. Они не проникали въ мой духъ извнѣ, какъ цвѣтъ, звукъ, запахъ, которые подѣйствовали на мои органы, сами остались внѣ меня, а во мнѣ оставили только изображенія, при помощи которыхъ я могу ихъ представить. Научные предметы таковы, что если я пересмотрю все пути чувственного воспріятія, то найду, что ни однимъ изъ этихъ путей они не могли войти въ мою душу. Глаза скажутъ: не мы возвѣстили объ этихъ представленіяхъ, потому что они не имѣютъ цвѣта; уши отвѣтять: не мы дали знать объ нихъ, потому что они не звучатъ и т. д. Но однакожь, когда въ первый разъ сказали мнѣ объ этихъ предметахъ, то я тотчасъ узналъ ихъ и сказалъ: да, это правда. Что это показывается? То, что они были въ моей памяти, но только такъ далеко и сокровенно, что еслибы учитель не извлекъ ихъ на первый планъ, то я самъ можетъ быть и не додумался бы до нихъ»¹⁾.

«Къ числу предметовъ, существующихъ въ памяти «самостоятельно», надобно отнести безчисленные законы и комбинаціи чиселъ и измѣреній, которыя не воспринимаются никакимъ тѣлеснымъ чувствомъ, потому что не имѣютъ ни цвѣта, ни звука, ни вкуса, ни запаха и не подлежатъ осязанію. Они не должны быть смѣшиваемы съ звуками, которые ихъ выражаютъ; потому что погречески они называются такъ, а полатински иначе, но выражаютъ на всѣхъ языкахъ одно и тоже понятіе. Нетъ никакого сравненія между линіями геометрическими и тѣми, о которыхъ дастъ мнѣ знать тѣлесное зрѣніе: ихъ знаетъ каждый безъ помощи внѣшнихъ чувствъ, единственно по внутреннему представленію»²⁾.

«Таже память хранитъ и волненія души моея, но не такимъ образомъ, какъ онѣ существуютъ въ моемъ духѣ во время

¹⁾ Ibid. 9. 10.

²⁾ Ib. 12.

дѣйствія страсти, а совершенно иначе, соответственно силѣ памяти. Но время скорби я могу помнить свои прежнія радости, и полный веселья — прежнія печали; безъ страха могу говорить, что нѣкогда испытывалъ ужасъ, безъ страсти о страстяхъ. О подобныхъ душевныхъ воднеліяхъ мы не говорили бы, еслибы въ своей памяти не находили не только звуковъ именъ, соотвѣстныхъ образамъ воспринятыхъ ощущеній, но и понятій о такихъ явленіяхъ, которыя не переданы намъ никакими чувственными опытомъ. Самъ духъ, переживъ и переживувавъ свои страсти, передаетъ ихъ памяти, или, лучше сказать, она сама сохраняетъ и удерживаетъ понятіе объ нихъ. Следовательно память есть какъ бы желудокъ души, а огорченія и радости подобны горькимъ и сладкимъ яствамъ. Переходя въ область памяти, какъ бы въ желудокъ, впечатлѣнія сохраняются тамъ, но уже не даютъ ощущенія сладости или горечи ¹⁾.

«Когда ищу Бога моего, то ищу блаженной жизни, которая состоитъ въ томъ, чтобы радоваться о Тебѣ. Идея объ этой жизни обща всѣмъ людямъ; потому что всѣ желаютъ совершеннаго счастья, а желать нельзя не зная. Мы слышимъ слово: «блаженная жизнь» и всѣ признаемся, что желаемъ ея достигнуть. Но не звукъ плѣняетъ насъ, потому что когда грекъ слышитъ ея латинское названіе, значенія котораго не понимаетъ, то не испытываетъ никакого удовольствія; но когда понимаетъ, тогда только радуется, подобно намъ. Такимъ образомъ всѣ знаютъ блаженную жизнь, и еслибы можно было вдругъ всѣмъ предложить вопросъ: «хотятъ ли они быть счастливыми», то безъ всякаго сомнѣнія всѣ отвѣтили бы: «хотятъ.» А этого не могло бы случиться, если бы самая вещь, которая носитъ названіе блаженной жизни, не существовала въ памяти» ²⁾.

¹⁾ 1б. 14.

²⁾ 1б. 20.

Откуда же взялась въ насъ эта идея? Развѣ мы познали Бога въ Его высочайшей жизни и радость счастья во всей его полнотѣ? Развѣ мы были когда совершенно счастливы? Какъ бы мы ни рѣшали этотъ вопросъ, но то вѣрно, что Богъ обитаетъ въ нашей памяти.

«Я говорю, памяти, и сознаю, о чемъ говорю. А гдѣ это сознаю, если не въ самой памяти?» Неужели же память присуща себѣ чрезъ свой образъ, а не сама собою? Когда я называю забвеніе, то также знаю что называю. А откуда я зналъ бы, еслибы не помнилъ? Когда я помню о памяти, то предомною является память сама въ себѣ; когда же я помню о забвеніи, то предомною являются сразу и память и забвеніе; память, посредствомъ которой я помню, и забвеніе, о которомъ я помню. Но что такое забвеніе, какъ не отсутствіе памяти? Какимъ образомъ это бываетъ, что я помню его, когда, если оно есть, я не могу помнить? Мы удерживаемъ въ памяти то, что помнимъ; но еслибы мы не помнили забвенія, то услышавши это слово не знали бы, что оно значитъ, слѣдовательно памятью удерживается и забвеніе. Такимъ образомъ есть въ памяти то, что своимъ присутствіемъ исключаетъ память. Не ясноли отсюда, что забвеніе присуще памяти не само по себѣ, но посредствомъ своего образа? Еслибы оно было присуще само въ себѣ, то мы не вспоминали бы, а забывали. И кто разъяснить это? кто пойметъ, какъ это бываетъ?»¹⁾

Но это удивительное богатство предметовъ, содержащихся памятью, не можетъ быть присущимъ нашему сознанию въ полномъ своемъ составѣ и въ одно и тоже время. Оно должно быть вызываемо въ сознанию по частямъ, даже только по одному.

Иное есть вещь, говоритъ Августинъ, о которой не

¹⁾ *Nomino memoriam et agnosco quod nomino. Et ubi agnosco, nisi in ipsa memoria?*

²⁾ *Иб.* с. 16

знаемъ или не помнимъ, а иное вещь, о которой не думаемъ. Такъ, кто знаетъ двѣ или многія науки, когда думаетъ объ одной, то можетъ не думать о другой. Музыкантъ знаетъ и любитъ музыку; но онъ не думаетъ объ ней въ то время, когда разсуждаетъ о геометріи. Эти познанія какъ бы сокрыты въ его душѣ, и онъ имѣетъ нужду въ дѣйствиіи воспоминанія, для того чтобы вызвать ихъ ¹⁾.

1) Кругъ дѣвій воспоминанія тѣснае, чѣмъ кругъ дѣвственной памяти. Предметомъ памяти служить и внѣшнее и внутреннее; а предметомъ воспоминанія только внутренняя жизнь паша, только то, что память приняла въ себя для храненія. Для акта воспоминанія требуется, чтобы или все, или что нибудь изъ того, что хотимъ вспомнить, непременно содержалось въ тайникахъ памяти; а того что мы забыли совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ, воля не старается и вспомнить.

Такимъ образомъ воспоминаніе тѣсно связано съ познаніемъ: *recognitio est recordatio*. Когда мы воспоминаемъ о какой либо вещи, то воспоминаемъ не какъ о новой, но какъ о древней, уже видѣнной, известной. Идея, которую мы имѣемъ тогда, не приходитъ, но возвращается ²⁾.

2) Условіемъ воспоминаванія служатъ акты воли. Память безъ воли такъ же неспособна вспомнить получаемое чувствами, какъ чувство ощущать тѣлесные предметы. Часто, прочитавъ цѣлую страницу, не помнимъ что читали, такъ что приходится снова читать. Во время прогулки часто не замѣчаемъ тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проходимъ. Короче, еслибы моя воля не останавливала моего вниманія на известныхъ предметахъ, то я не помнилъ бы объ нихъ, хотя бы и видѣлъ ихъ ³⁾. «Иное бываетъ при дѣйствиіи воли. Находился въ темнотѣ и среди

¹⁾ De Trin. XIV, 7.

²⁾ Non venisse, sed redisse in eod. rationem (De Univ. VI, 8).

³⁾ De Trin. XI, 8.

безмолвія, я воспроизвожу въ памяти цвѣта и различаю ихъ. Звуки не мѣшаютъ мнѣ припоминать что либо видѣнное глазами; хотя и звуки въ тоже время находятся въ памяти, но пребываютъ особо, какъ будто сложенные гдѣ нибудь въ отдѣльномъ мѣстѣ. Но если мнѣ угодно, я воспроизвожу и звуки, и они тотчасъ же возникаютъ въ моемъ представленіи. Не шевеля языкомъ, не напрягая горла, я пою, что хочу, и представленія о цвѣтахъ, въ то же время существующія въ памяти, не смѣшиваются и не путаются, когда открывается другая сокровищница впечатлѣній слуха. Такимъ образомъ я вспоминаю, если угодно, и все прочее, что приносится и складывается въ памяти и чрезъ другія чувства. Запахъ лилій я отличаю отъ благоуханія фіалокъ, не обоняя его; медъ отличаю отъ винограднаго варенья; мягкое—отъ грубаго, ни до чего не дотрогиваясь и ничего не пробуя; по одному воспоминанію я предпочитаю то или другое ¹⁾.*

3) Но надобно замѣтить, что не всегда можно вспомнить по желанію. Если мы хотимъ вспомнить то, что лежитъ глубоко въ душѣ и съ трудомъ вымывается оттуда, то должны прежде вспомнить о предметахъ близкихъ къ нему, или имѣющихъ съ нимъ сродство. Такъ, наприм., если я хочу вспомнить о томъ, что именно я вчера вечеромъ ѣлъ, то долженъ прежде вспомнить вообще о своемъ ужинѣ, или, если и этого еще не вспомнилъ, то конечно вспомнить нѣчто около этого времени, или по крайней мѣрѣ самый вчерашній день и ту часть его, въ которую обыкновенно ужинаю, и что такое ужинать. Ибо еслибы я ничего такого не помнилъ, то не могъ бы и желать вспомнить о своемъ блюдѣ. Отсюда легко можно понять, что желаніе вспомнить хотя происходитъ отъ тѣхъ вещей, которыя содержатся въ памяти, но однакожь съ присоедине-

¹⁾ Conf. X, 8.

нѣмъ тѣхъ, которыя имѣютъ отношенія къ нимъ или находятся въ связи съ ними. Словомъ, ассоціація идей играетъ важную роль въ воспоминаніи ¹⁾. Таже сила, которая отыскиваетъ среднее и близкое, старается и удалить несреднее. Если приходитъ въ голову представленіе ложное, то отвергаемъ его и ищемъ истиннаго. Если попадется на глаза или на мысль извѣстный человѣкъ, и мы хотимъ припомнить его имя, то всякое другое припоминаемое имя не вяжется, потому что намъ непривычно мыслить его въ сочетаніи съ этимъ человѣкомъ; но если представится его настоящее имя, то мы тотчасъ замѣчаемъ привычную связь и успокоиваемся ²⁾.

Такой взглядъ на память и воспоминаніе привелъ Августина къ тому заключенію, что содержимое памятью служитъ основаніемъ всей нашей дѣятельности.

«Когда я, пишетъ Августинъ, встрѣчаю какуюлибо истинную исторію, когда я представляю различныя событія; то мнѣ кажется, что не въ памяти, а въ описаніи повѣствователя наше воображеніе находитъ матеріалы, изъ которыхъ составлена исторія. Но это заблужденіе. Я не могъ бы даже понять повѣствователя, еслибы не помнилъ свойствъ каждаго изъ предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ, хотя бы они не были никогда группированы предъ живыми глазами такъ, какъ представляются въ описаніи. Когда мнѣ говорятъ о горѣ, покрытой кустарниками и деревьями, то я не могъ бы понять того, что они говорятъ, если бы въ моей памяти не было идеи о горѣ, кустарникѣ, деревѣ. Безъ этой идеи слова были бы пустыми звуками, не дающими мнѣ никакого образа. Я не могъ бы ничего прочесть, ничего понять, не могъ бы подумать о томъ, что сдѣлать, не могъ бы высказать того, что предполагалъ сдѣлать, если бы не было представленія о всемъ этомъ въ моей памяти. Итакъ всякій, кто размышляетъ

¹⁾ De Trin. XI, 7.

²⁾ Conf. X, 19.

о тѣлесномъ, или самъ что либо составляетъ, или слышитъ, или читаетъ, прибѣгаетъ къ своей памяти, и тамъ находитъ образъ и мѣру всѣхъ формъ (*modum atque mensuram omnium formarum*). Ибо никто не можетъ представить ни цвѣта, котораго не видѣлъ, ни звука, котораго не слыжалъ, ни запаха, котораго не обонялъ, ни вкуса, котораго не испытывалъ ¹⁾.

*И потому мы находимъ, что изучать то, что мы не очерпнули посредствомъ чувствъ, но что созерцаемъ безъ образовъ и какъ бы само въ себѣ, значить не болѣе, какъ размышленіемъ разбирать то, что прежде содержалось въ памяти разбросаннымъ и безъ порядка, и представленія, заброшенные въ глубини выставлятъ какъ бы на ладони. Если я не забочусь по временамъ воспроизводить эти представленія, то они снова погружаются въ глубь и какъ бы проваливаются въ какія-то отдаленныя пещеры, откуда опять мы должны излелекать ихъ какъ бы новыя и припущдать ихъ снова дойти до нашего сознанія, и снова собирать какъ бы изъ какого нибудь разсѣланія; отчего и происходитъ слово *cogitare*, размышлять ²⁾.

«Въ памяти все, что я или самъ испыталъ, или принялъ на вѣру отъ другихъ. Съ помощію этого-то богатства образовъ вещей, или испытанныхъ или принятыхъ на вѣру, на основаніи собственнаго опыта я самъ присочиняю къ даннымъ уже образамъ все новыя и новыя образы, и на основаніи этихъ оразовъ я представляю будущія дѣйствія, и приключенія, и надежды, и думаю о всемъ этомъ какъ о настоящемъ. Я сдѣлаю то или другое (говорю я самъ въ себѣ, въ безграничной области духа моего, полной столь многими и разнообразными образами вещей), отсюда будетъ слѣдовать то или иное. О если бы случилось то или то! Да отвратить Богъ то или то! Я говорю это самъ съ собою, и когда я говорю, возникаютъ образы того, о чемъ я говорю, изъ этой

¹⁾ De Trin. XI, 8, 9.

²⁾ Conf. X. 11.

же сокровищницы памяти, и я конечно не говорил бы ничего подобного, еслибы не возникало въ памяти соответственныхъ представлений*¹⁾).

*Память есть какъ бы душа (аніма), потому-что если мы приказываемъ что либо помнить, то говоримъ: смотри, чтобъ ты имѣлъ это въ душѣ, и если забываемъ, то говоримъ: не было бы въ душѣ. Иначе сказать, мы самую память называемъ душю*²⁾).

Вотъ главныя мысли Августина о памяти. Онѣ отличаются такою оригинальностію и такою живостію, что едва ли можно встрѣтить другаго писателя, не только между древними, но и между новыми, который бы лучше говорилъ о памяти.

Но смотря однако на все вѣщаніе этой теоріи, въ ней находятъ важныя недостатки. Во 1-хъ упрекаютъ Августина въ томъ, что онъ пренебрегалъ фізіологической стороной этого предмета. Августинъ ограничивается, пишетъ Феррасъ, только замѣчаніемъ, что память имѣетъ свое мѣстопребываніе въ одномъ изъ трехъ отдѣленій мозга. Онъ даже не обозначилъ тѣхъ измѣненій, коимъ память подвергается въ состояніи здоровья или болѣзни, юности или старости, опьяненія или трезвости. И древніе обращали на это вниманіе. Еще Аристотель замѣчалъ, какъ память измѣняется съ возрастомъ, и искалъ даже причинъ этихъ измѣненій. Не много позже, Платонъ указывалъ множество случаевъ того, что тѣлесное поврежденіе можетъ не только ослабить, но даже совершенно уничтожить память. Августинъ не обратилъ вниманія на эти гипотезы; онъ не видѣлъ, что это духовное видоизмѣненіе, которое обыкновенно называется воспоминаніемъ, часто имѣетъ если не причину, то весьма важное условіе въ видоизмѣненіяхъ чисто тѣлесныхъ³⁾

¹⁾ Ibid. 8.

²⁾ Ibid. 14.

³⁾ De la Psychol. de s. Aug. p. 189.

Что Августинъ пренебрегалъ фізіологической стороной своего предмета, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но подобный недостатокъ важенъ у тѣхъ писателей, которые хотятъ представить полное ученіе о памяти; цѣль же Августина разсужденія объ этой способности была, какъ онъ самъ говоритъ, только та, чтобы поискать Бога, поискать слѣдовъ Его присутствія въ памяти. «Вотъ сколько я, пишетъ Августинъ, путешествовалъ въ памяти моей, ища Тебя, Господи, и не нашелъ Тебя вѣдъ ся. Я убѣдился что ты пребываешь въ памяти моей; здѣсь я тебя нахожу, когда вспоминаю о Тебѣ и въ Тебѣ радуюсь. Вотъ мои святая радости, которая доставило мнѣ милосердіе Твое, возрѣвъ на мою бѣдность»¹⁾. Несудивительно, что предположивъ такую цѣль, Августинъ почелъ нужнымъ обратить вниманіе главнымъ образомъ на тѣ свойства памяти, которая менѣе всего зависитъ отъ тѣлесной организаціи, на свойства высшія, духовныя, богоподобныя.

Но какъ понимать слова его, когда онъ говоритъ, что искалъ и нашелъ Бога въ памяти? Немного далѣе онъ скажетъ намъ, какъ бы въ противорѣчіе себѣ, что въ памяти нѣтъ мѣста достойнаго быть жилищемъ Бога, что даже во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого мѣста, и этимъ ясно дастъ замѣтить, что онъ не такъ понималъ присутствие Бога въ нашей душѣ, какъ понимаютъ пантеисты. «Но гдѣ Ты, Господи», спрашиваетъ онъ, пребываешь въ памяти моей? Какое тамъ устроилъ Ты для себя ложе? Какое святилище создалъ для себя? Ты доставилъ эту честь моей памяти, что пребываешь въ ней; но въ какой части ея пребываешь? Вотъ о чемъ я размышляю. Я миновалъ тѣ части памяти, которая имѣютъ и звѣри, когда припоминалъ Тебя; потому что не нашелъ бы Тебя тамъ, среди образовъ вещей тѣлесныхъ; я перешелъ къ

1) Conf. X. 24.

тѣмъ частямъ памяти, къ которымъ относилъ движенія духа моего, но я здѣсь не нашелъ Тебя. Я вступилъ въ самое обиталище духа моего, которое существуетъ для него въ памяти, (ибо духъ помнить и себя); но и тамъ не было Тебя: не было, потому что Ты какъ не образъ тѣлесный, не волненіе живущаго, такъ и не самый духъ мой; Ты Господь Богъ духа, Ты неизмѣняемо пребываешь надъ всѣмъ и удостоилъ обитать въ памяти моей, почему я и узналъ Тебя. Но что я спрашиваю о мѣстѣ Его обиталища! Развѣ тамъ есть мѣсто?»¹⁾

Не хотѣлъ ли Августинъ просто на просто сказать только, что цѣлю его разсужденій о памяти было найти слѣды всемогущества и премудрости божественной въ удивительныхъ свойствахъ этой способности? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, какъ христіанскій писатель, имѣлъ въ виду и такую цѣль; но что онъ не ограничивался этой, такъ сказать, общей цѣлью, тому доказательствомъ служить, во первыхъ, слѣдующія слова его: «я оставляю безъ вниманія жизненную силу души моей, посредствомъ которой я связанъ съ тѣломъ и наполняю его жизнью. Не эту силу я найду Бога моего, ибо въ такомъ случаѣ наша бы его и *коль и мекъ, имже нѣсть разума*»²⁾. Здѣсь онъ ясно говоритъ, что оставляетъ безъ вниманія низшую природу человѣка. Но развѣ въ низшей природѣ нѣтъ слѣдовъ всемогущества и премудрости божественной? Они есть и въ каждой самоналѣйшей вещи, и самъ Августинъ очень часто говорилъ своимъ слушателямъ объ этомъ. Если же онъ хотѣлъ сказать, что въ нашей памяти гораздо яснѣе слѣды указанныхъ свойствъ Божіихъ, то, кажется, онъ такъ и сказалъ бы; но онъ говоритъ рѣшительно, что въ нашей низшей природѣ нѣтъ слѣдовъ присутствія Бога. Во вторыхъ и это самое главное, онъ вслѣдъ за вышеприведенными словами, въ

¹⁾ Conf. X.

²⁾ Ibid. 7.

которыхъ высказывали мысль о томъ, что нашелъ Бога въ памяти, говоритъ, что было время, когда онъ не помнилъ о Богѣ: «Итакъ гдѣ я нашелъ Тебя, чтобы узнать Тебя? Ибо ты еще не былъ въ памяти моей, прежде чѣмъ я узналъ Тебя. Гдѣ же я нашелъ Тебя, чтобы узнать Тебя если не въ Тебѣ, выше меня?»¹⁾).

Говоря, что было время, когда онъ не зналъ Бога, Августинъ ясно разумѣетъ то состояніе, когда онъ, будучи волнуемъ порочными страстями и колеблемъ вѣтромъ разнородныхъ учений, не зналъ Бога истиннаго. Но отъ перемѣны образа мыслей и чувствованій свойства его памяти не измѣнились; они были и тогда такими же какъ теперь: и тогда были ему извѣстны и геометрическія линіи и блаженная жизнь и забвеніе. Почему же онъ не видѣлъ въ прежнемъ состояніи памяти слѣдовъ всемогущества и премудрости божественной, а видитъ только въ настоящемъ? Почему въ прежней памяти онъ не замѣчалъ идеи о Богѣ, когда онъ ясно и неоднократно доказывалъ, что эта идея всегда существуетъ въ человѣческой памяти?

Кажется, что онъ ищетъ лучей божественнаго свѣта, лучей истины, проникающихъ и въ память²⁾. А потому онъ и разсматриваетъ тѣ свойства памяти, которыми эта способность отличается отъ памяти животныхъ и въ которыхъ обнаруживается разумъ. Если же такъ, то могло быть и время, когда онъ не помнилъ о Богѣ, т. е. когда, погружившись въ чувственность, онъ не далъ возможности этимъ лучамъ освѣтить сокровища памяти и явить въ нихъ присутствіе Бога. Впрочемъ на это онъ самъ указываетъ въ томъ же сочиненіи, только немного повыше: «До какой степени проспалъ я, пишетъ онъ,

¹⁾ *Neque enim iam eras in memoria mea, priusquam te discerem.* (ib. c. 26)

²⁾ Къ этой мысли приводитъ послѣ, между прочимъ, слѣдующія слова Августина: «Гдѣ, говоритъ онъ, я нашелъ истину, если не въ Тебѣ и Богъ жезко, сама истина, и не зашло отъ кого научился св. (с. 26).

и какими путями низринулся въ эту бездну ада? И все это оттого, что я страдаю и встаю отъ незнанія истины, искалъ Тебя не разумомъ, которымъ Ты благоволилъ отличить меня отъ животныхъ, но плотскимъ чувствомъ ¹⁾. Свѣта очей моихъ тогда не было со мною. Этотъ свѣтъ скрывался внутри меня, а я метался внѣ себя» ²⁾.

Этимъ объясняется и та мысль Августина, что мы познаемъ Бога, собственно говоря, не въ памяти, а въ Немъ самомъ, и что если какая нибудь идея улетаетъ изъ нашей памяти, то ее можно найти въ вѣдрахъ безтѣлесной Истины, которая насъ озаряетъ ³⁾. Если идеи, содержащіяся нашей памятью, суть лучи, исходящія отъ Отца свѣтовъ, то къ этому источнику свѣ и возвращаются.

Другимъ недостаткомъ Августинова ученія о памяти почитаютъ то, что этотъ писатель «приписываетъ памяти очень много такого, что обыкновенно приписываютъ *понятливости*. Память по его мнѣнью, есть способность сохраняющая идеи не только о тѣлахъ, но и о души, не только объ истинахъ вѣчныхъ, но и о самомъ вѣчномъ существѣ. Она содержитъ не только то, о чемъ мы думаемъ, но и то, что мы знаемъ, *никогда не думавши*. Когда по дѣйствию нашей мысли, мы открываемъ какую-либо важную истину, то это значить, что мы въ сокровенныхъ глубинахъ нашей памяти напши матерію этой истины и извлекли ее на свѣтъ. Словомъ Августинъ не только находитъ въ памяти зародыши и начало всѣхъ высшихъ повнаній, но даже, кажется, поставляетъ въ ней и *самознаніе*» ⁴⁾.

¹⁾ Conf. III, 6.

²⁾ Ibid. VII, 7.

³⁾ Ubi invenit te ut discerem te, nisi in te supra me? (Conf. X, 26)—in illa incorporata veritate, unde rursus quasi descriptum in memoria ligetur. (De Trin. XII, 14).

⁴⁾ Férraz. p. 178.

Это замѣчаніе во многихъ отношеніяхъ, конечно, вѣрно. Но почему Августинъ приписываетъ памяти то, что, собственно говоря, принадлежитъ понятливости? Потому, повторяемъ, что онъ почитаетъ память проявленіемъ разума.

Безъ сомнѣнія, много изъ того, что говоритъ Августинъ о сокровищахъ памяти, можно приписать ей и не придерживаясь его теорій; потому что сохраняемое памятью всегда имѣетъ вліяніе на душу и принимаетъ такое или другое участіе въ ея дѣятельности. Тѣмъ не менѣе и его взглядъ на память, какъ на способность души, нераздѣльно соединенную съ сознаниемъ, имѣетъ свою цѣну; мы находимъ его и у многихъ другихъ, новѣйшихъ психологовъ. Мы вспоминаемъ только то, говорить напр. Ульрици, что сдѣлалось уже содержаніемъ нашего сознанія; а того, что никогда не входило въ наше сознаніе, абсолютно невозможно вспомнить. И представленіе, какое мы имѣемъ о прошедшемъ, не есть, собственно говоря, самое ощущеніе, чувствованіе, стремленіе; а есть только отраженіе его въ сознаніи. Въ воспоминаніи снова является не само чувственное ощущеніе, а только то, что стало содержаніемъ сознанія. Самое убѣдительное доказательство въ пользу этого представляетъ тотъ фактъ, что когда мы ложно поняли предметъ, то въ воспоминаніи представляется только ошибка, а не правильное познаніе предмета. Мы часто съ досадой замѣчаемъ, что забыли какое-нибудь имя, годъ, событіе, мѣстность; но мы никакъ не можемъ бы сознавать, что забытое представленіе когда-то было содержаніемъ нашего сознанія, еслибы сознаніе и способность воспоминанія были различными способностями»¹⁾.

Но взглядъ Августина на память гораздо шире и идетъ еще дальнѣе. Онъ доказываетъ, что въ нашей памяти есть даже нѣкая самобытная, какъ бы прирожденная ей истица, есть го-

¹⁾ Тѣло и душа, стр. 496, 505.

товья понятія, съ которыми она выходитъ для воспринятія получаемаго отвѣта, и безъ которыхъ не могла бы и воспринимать. По этому мнѣнію его, память можетъ даже многое развивать изъ себя самой. Это возможно для памяти только тогда, когда она будетъ проявленіемъ разума и притомъ озаряемаго лучами божественной истины.

К. Скорцовъ.

(Продолженіе будетъ.)